

Даля Трускиновская

Аутсайдеры

Даля Трускиновская
Аутсайдеры

авторский текст

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=164227

Далия Трускиновская

Аутсайдеры

– Это будет стройка века! – сказал архитектор Торсен. И ведь оказался прав – начатая аккурат на исходе прошлого века, она только сейчас завершилась. При теперешних-то темпах, когда два месяца – и коттедж от нулевого цикла до последней дверной ручки готов окончательно и бесповоротно.

– Это будет стройка века?.. – пробурчал бухгалтер Миша. – Это уже стройка века! Восстановить Импайр Стейт Билдинг – и то дешевле.

– А на хрена мне этот билдинг? – спросил Вишняков. – Мне нужно где жить. И жить так, как я хочу. Запиши, Миша, – художнице этой за эскизы двести баксов.

– Так мало? – со всей возможной иронией спросил Миша.

– Пока. Я вот пересплю с ее бумажками... Если пойму, что мне хочется именно это, – тогда и буду платить.

– Конечно, если на потолке не будет росписи, то дом – не дом, а так, берлога, – заметил Миша. – Ладно, если это все, то я пошел.

– Погоди! Твой-то как?

– А как? Полы менять пришлось, крышу ремонтировать. Пока в смету укладываюсь. Не то что некоторые.

Экономный Миша тоже надумал жить в своем доме, купил развалину, на второй этаж которой побоялся подняться

– на момент покупки лестница не имела перил и половины ступенек, – и стал понемногу доводить жилище до ума. Оно стояло в хорошем месте, имелись все коммуникации, имелся даже целый сарай, который временно служил гаражом и складом. Миша был нетороплив и отслеживал все скидки. Если бы Вишняков знал, что роскошный кафель, купленный для ванн апартаментов супруги, можно было два месяца спустя взять на четверть дешевле, и что Мишина ванная таким образом получится не хуже, чем у начальства, он бы несколько обиделся. Но у Миши всегда хватало ума помолчать.

– Да ладно тебе, – сказал Вишняков. – Не каждый день строимся. Могу себе позволить! Ты вспомни, сколько прибыли спрятал!

– Да уж!

Миша за то и был у Вишнякова главным бухгалтером, что мог спрятать во всевозможных проводках любую сумму и мастерски манипулировал с налоговыми льготами. Но и оплачивался этот труд по-царски. Вишняков гордился тем, что понимает цену интеллекта, и все знали, что с командой вдвое меньше, чем у конкурента, он получит прибыль вдвое больше, да еще вырвется вперед по многим направлениям.

Рабочий день кончался.

Вишняков прошелся по кабинету. Хороший кабинет, хоть папу римского принимай. И пейзаж на окне не какой-нибудь пошлый – сплошь архитектурные памятники и перспек-

тива. И супруга уехала на неделю к родственникам в Берлин. И дочка прислала сегодня из Калифорнии мейл – дом купили, няню для внука нашли. И художница Марина согласилась поужинать в японском ресторане. Художница не дура – понимает, откуда растут ноги у выгодных заказов. А расписать стенки с потолками в трехэтажном особняке – это ей занятие на три месяца, после чего спокойно можно еще столько же отдыхать.

Но как раз в японском ресторане его ждал облом.

Марина, которая выпала из поля зрения дня на три, не больше, взяла доллары, сунула в сумочку и, сделав большие серые глаза очень строгими, сказала, что вообще торопится. Полчаса посидеть и поговорить об искусстве может, а более – никак.

Вишнякову всегда нравилось это сочетание – темные волосы и серые глаза. Он говорил, что тут чувствуется порода. Сам он породой не блистал – обычный рыхловатый мужик, нос картошкой, тусклая рыжинка когда-то густых волос, начинающие обвисать щеки. Но в женщинах это качество уважал едва ли не больше, чем стройную фигурку. Марина полностью соответствовала его понятиям о породе.

Хорошо, Вишняков взял то, что подавали сразу, – суши пяти видов, полчаса развлекал даму беседой, а сам строил ловушки и засады – чтобы она прокололась. К кому-то же торопится вечером на свидание эта красавица!

Она не проболталась, а только начала каждые полторы ми-

нуты поглядывать на часики. Потом пискнул ее сотовый, и она дала адрес японского ресторана. Причем к человеку, которого ждала, обращалась на «ты».

Хахаль, подумал Вишняков, именно это слово и прозвучало в голове. Как еще назвать мужчину, который уводит от тебя женщину? Не женихом же!

Они вышли на деревянную террасу, пристроенную к старому каменному дому, где весь первый этаж занимал ресторан. Терраса была пуста – наступила осень, и никто не хотел есть сырую японскую рыбу под тентом.

– А, это за мной, – Марина показала на серебристый джип-«чероки».

– На таких бандюганы катаются, – заметил Вишняков.

– Или просто умные люди, – несколько обиженно возразила Марина. Вишнякову стало интересно – и что же там, внутри, за умный человек?

Он откланялся, сделал вид, что возвращается в ресторан, но сам остался стоять в дверях и на всякий случай надел очки. От возни с компьютером близорукость, зараза, прогрессировала.

Бандюган вышел из своего джипа и оказался высоким темноволосым молодым человеком. Даже слишком молодым – лет восемнадцать.

Вишняков сквозь очки прищурился – не может быть! Нежный румянец, огромные глаза с поволокой... Но как он держится! Как плечи развернуты!

Ну, не может же быть...

Тут солидный человек Вишняков унизился беспредельно. Любопытство оказалось сильнее благоразумия – он быстрым шагом пересек террасу и оказался у джипа аккурат в минуту, когда молодой человек подсаживал Марину.

– Господин Адлер?

– Да, это я, – молодой человек сказал это, повернувшись и подставив взгляду тонкое, воистину породистое лицо.

Но даже если бы не сказал – Вишняков бы ни секунды не усомнился. Это вылитый Немка Адлер, но только прямой, как натянутая струнка, спокойный, как ледяная глыба, и в костюме дороже, чем у самого Вишнякова.

В глазах красавчика был вопрос – а ты, дядя, кто такой?

– Надо же, как быстро время бежит, – произнес Вишняков. – Кто бы подумал, что у Адлера такой взрослый сын? Привет папе передавайте.

– От кого, если не секрет? – осведомился юноша.

– От одноклассника. От Бори Вишнякова.

– Боря Вишняков? Хорошо, увижу – передам.

Когда юный джентльмен закрывал за дамой дверцу, Вишняков увидел платиновый перстень-печатку. По черной эмали – россыпь бриллиантов...

– Удивительное сходство!

– Да, я знаю. Извините.

Адлер коротко поклонился и, обойдя машину, сел на водительское место. Джип отбыл. А вот Вишняков остался, че-

ша в затылке и тихо чертыхаясь.

Кем же стал малахольный Немка, если его сынок разъезжает на таком транспорте и носит такие костюмы? Всех городских миллионеров Вишняков знал наперечет, про миллионера Адлера слышал впервые.

И даже менее того...

Дурак Немка мог получить деньги только одним способом – по завещанию. Он жил не в том времени и пространстве, где они вообще существуют. Даже если Немка правильно женился, вряд ли он стал практичнее. Значит, жена с приданным и наследство с шестью нулями? Кому – Немке?

Все это не лезло ни в какие ворота.

Вишняков вернулся домой и уже оттуда позвонил Володьке Решетникову. Этот одноклассник был весь на виду. Имел свой маленький туристический бизнес, но пренебрегал делами ради личной жизни. Поэтому Вишняков общался с ним только тогда, когда не находил другого собеседника для расслабухи.

– Че надо? – спросил Володька. Грубоватость была игрой. Всерьез грубить Вишнякову никто бы в этом городе не осмелился.

– Ты Немку Адлера помнишь?

– Что – умер?

– Да ну тебя! – Вишняков даже испугался. – Ты когда его в последний раз видел?

– Когда? – Решетников надолго задумался. – А на кой те-

бе?

– Хочу понять – он что, наследство получил?

– От дохлого осла уши! – развеселился Решетников. – Он так же похож на богатого наследника, как я – на Лучано Паваротти! Вспомнил – год назад я его видел. Не поверишь – на фотовыставке!

– Тебя-то туда за каким бесом понесло?

– Так это Женьки Прохорова выставка была. Он же всюду снимает – на сафари, в Кордильерах, в Мексике, на Джомолунгме этой. Снял зал, застеклил картинки, повесил, народ собрал, текилы выставил, презентация, тусовка!

– Ты хочешь сказать, что Немка – в тусовке Прохорова? – тут уж Вишняков точно ушам не поверил.

– Нет, потом же быдло пустили, прессу там, детишек каких-то детдомовских. Вот на детдомовца он точно был похож. Брючата какие-то жеваные, на десять сантиметров короче нормы, пиджак из сэконда, бомж бомжом.

– Может, он ваньку валял?

– Не. Когда богатый дядя ваньку валяет и в таком прикиде заваливается, он все-таки перед этим моется. А от Немки несло, как от скотомогильника. Бомж, который забрел на халяву погреться, и ничего больше!

– Ни хрена себе... – пробормотал Вишняков.

В классе, как положено, были свои лидеры и аутсайдеры. Лидеры, три мальчика и три девочки, объединились в компанию. Тут же нашлись охотники примкнуть. Пошли козни и интриги, в которых аутсайдеры даже не пытались принять участие. Компания то разрасталась, то скидывала балласт, аутсайдеры были сами по себе, хотя им имело смысл сбиться в кучку.

А Немка из всех возможных отщепенцев был самый невменяемый. Его не выперли из школы лишь потому, что он сидел очень-очень тихо. Такого голубка одно удовольствие перетаскивать из класса в класс.

Вторым убогим был Алик Колопенко. С первого класса человека прозвали «Клоп», и кличка приросла. Он был маленький, черненький, плотненький и очень шустрый. Он пытался примазаться к компании, но только сперва, кто-то из девчонок жестоко осадил его. Алька был немного не в своем уме – он собирал фигурки, что-то вроде оловянных солдатиков, таскал их с собой и был застукан за самой настоящей игрой в войну, это в пятнадцать-то лет.

Третий аутсайдер – девчонка, вспомнил Вишняков, Алка, рыжая и в очках, тихоня, вроде Немки. Тощенькая, маленькая, и, невзирая на цвет волос, какая-то блеклая. Ей полагалось бы так вылинять годкам к сорока, не раньше. Как-то,

уже чуть ли не в десятом классе, мальчики поздравляли девочек с Восьмым марта. Купили не только цветы, но и какие-то книжки. Решили их надписать не просто так, а цитатами, да с намеком. Надписывали эти книжки, пятнадцать штук, целый вечер, после чего у всех челюсти от смеха ныли. Алке досталось такое: «Ах, как бы дожить бы до свадьбы-женитьбы?» Почему именно ей, а не толстой Галке?

У толстой Галки все списывали английский, вспомнил Вишняков. А бездарная Алка в тот день просто ушла из школы и вернулась только через неделю. Вроде бы даже классная к ней домой ходила, что-то там такое было. Галка, кстати, одна из первых выскочила замуж и до сих пор не развелась.

Воспоминания были сумбурны и совершенно не объясняли, откуда у нищего Немки взялись деньги, чтобы купить сыну джип.

– А откуда вообще могут быть деньги у человека, которого идиоты родители назвали Наум? – спросил себя Вишняков. Не то чтобы он увлекался мистикой – нет, до вражды с черными кошками было далеко. Просто он откуда-то знал, что лучше всего жить с именем и фамилией, которые никого не раздражают. Вот, скажем, неплохо живется Александром, Николаям, Андреем, Анатолиям, звуки их имен совершенно для всех нейтральны. А Наум Адлер – в этом есть что-то несуразно-вызывающее. Адлер, кажется, вообще по-немецки орел. Орел Немка! Еще хорошо, что Вишняков совершил это лингвистическое открытие в зрелые годы, читая мемуа-

ры о войне, а не в школьные. Орла Немку заклевали бы окончательно.

И вдруг Вишняков вспомнил. Не то, что давало бы ключик к сегодняшней встрече, совсем другое, очень неприятное.

Кажется, они тогда учились в пятом классе. И был очередной идиотский месячник чистых тетрадок. И директриса ходила по классам, проверяла выложенные на парты тетрадки, говорила о первостепенном значении аккуратности, ее явление народу было событием мирового значения. Вишняков вспомнил старую дуру, толстую, как афишная тумба, с огромным гладким узлом на затылке. Узел цеплялся к голове при помощи многих длинных черных шпилек. Дети и тогда заметили эти вылезавшие шпильки, но мысль об искусственности прилизанного кома волос и на ум не брела. До такой степени боялись директрисы.

У Немки, понятное дело, об тетрадки только ленивый ног не вытирал. На них и жирные пятна имелись, и отпечатки подошв, и обложки были надорваны, а уж Немкин почерк вообще был общим восторгом. Его, наверно, только сам Немка и разбирал. Директриса увидела этот кошмар, велела Немке встать – и понесла, и понесла!

Классная, которая уже смирилась с неряшливостью тихого мальчика, ничем не могла помочь. Дети просто сжались и боялись дышать.

Вдруг Немка заорал. Что он выкрикивал в лицо старой

дуре, захлебываясь, рыдая, брызжа слюной, никто так и не разобрал. У него и всегда-то был полон рот дикции, а от волнения половину звуков он не выговаривал, а выплевывал. Старая дура прикрикнула на него, но только хуже сделала. Мальчишка просто завизжал, как резаный, и затопал ногами.

– Но это же псих! – с тем директриса и отступила, а к Немке наконец-то подошла классная.

– Нема, выйди в коридор, – велела она. – Кому говорю? В коридор!

Он тряс перед собой кулаками и бормотал невнятицу.

– Алла, выведи его, – распорядилась классная.

Алка тут же вскочила, взяла психа за руку, и он покорно за ней поплелся. Дверь закрылась.

– С ним это бывает, – сказала классная директрисе. – Не волнуйтесь, девочка его успокоит.

– Его в спецшколу надо, – не сдержалась директриса.

– Я же вам говорила...

– Я завтра же позвоню в роно.

– Я еще два года назад говорила...

Класс молчал. Всех ошарашило, что взрослые беседовали, как будто тут не было тридцати шести мальчиков и девочек.

Что Немка – псих, знали с первого класса. Что он в истерике слушается только Алки, тоже выяснилось довольно быстро. Но всем казалось, что это – личное дело класса и классной, а директрисе про Немкины психования знать незачем.

На следующий день к директорисе приходила Немкина ма-ма – худенькая, испуганная, такая же узкоплечая и сутулень-кая, с такими же огромными жалобными глазищами. Боль-ше о спецшколе речи не было.

Вишняков крепко поскреб в затылке.

Два полюса имела эта история, и на одном стоял аутсай-дер, почему-то избежавший спецшколы, на другом – более чем благополучный, красивый, спортивный, выдержанный юноша. Юноша, который увез Марину!

Немка доплелся до выпускного класса в одиночестве. С годами он почти перестал психовать, а общался только с Аликом-Клопом. И с рыжей Алкой. Это, кажется, и друж-бой-то не было – просто лишь с ними Немка и разговаривал, и во что-то непонятное они с Клопом играли. А после вы-пускного – стоп, а был ли он вообще на выпускном? – аут-сайдер пропал. Кто-то говорил, что мать пристроила его на завод, учеником слесаря-токаря, и там, на безымянном заво-де, его след затерялся окончательно.

Откуда же в таком случае взялся джип?

* * *

– Вот тут я и живу, – сказала Марина банальные слова.

– Я знаю, – ответил ее спутник. – На третьем этаже.

Теперь следовало не менее банально предложить чая.

– Хочешь чаю?

– Хочу.

Они вышли из джипа, и юноша закрыл машину. Когда отошли на три шага, джип тихим пискom попрощался с хозяином.

– У меня печенье к чаю, могу бутерброды сделать. А то вон в маркете пирожные всегда есть. Любишь сладкое?

– Почему нет?

Марину немного смущала сдержанность этого стройного мальчика. Он знал себе цену. И даже то, как он начал за ней ухаживать, было оттенено неугасимым и бессонным чувством собственного достоинства.

Она ловила себя на том, что в его присутствии немножко суетится...

В гости на ужин, постепенно переходящий в завтрак, он не напрашивался. Это и так было ясно – хочет, хочет. Но не станет ставить в неловкое положение ни Марину, ни себя.

А она, прекрасно осознавая одиннадцать лет разницы в возрасте, то устремлялась к нему, то отступала.

И, наконец, решилась.

Они купили коробку самых разных пирожных, яблоки, виноград, и Марина ждала, что он выберет на алкогольных полках бутылку какого-нибудь достойного вина. Не выбрал. А говорить ему: «Дорогой, вино нужно не тебе, а мне – чтобы расслабиться и выкинуть из головы благопристойную ахи-нею» Марина никак не могла.

Дома их встретил Кеша, обнюхал гостя, поворчал для по-

рядка и ушел на свой коврик.

– Ему уже одиннадцать, – сказала Марина. – Ты бы его раньше видел. Он никому слова не давал сказать. А теперь словно разучился лаять.

– Может, сперва его выгулять? – предложил гость.

И стало ясно – он здесь останется. Надолго. До утра.

– Нет, он привык попозже, – не выдавая радости, ответила Марина. – Сейчас чайник включу.

На стол она накрыла в комнате – красиво, с льняными салфетками ручной работы, с чашками настоящего фарфора, не молочного французского стекла. Он сел, налил ей и себе чая. Воспитанный мальчик, подумала Марина, и как же он начнет?

– Давно хотела спросить – почему у тебя такое несовременное имя.

– Это отцовское.

– Ты, значит, Наум Наумович?

– Выходит, так. Только меня все зовут по фамилии. Если по имени – могу и не отозваться.

Это она знала. Когда они познакомились, а было это в пьяноватой компании системщиков, кто-то упорно называл его Адиком, Адькой. Действительно, так лучше, чем Наум. Тут и уменьшительное-то не сразу придумашь.

– Значит, только Адик?

– Значит, только Адик, – он улыбнулся.

– И всегда так звали? С самого начала?

Она имела в виду раннее детство.

– Я плохо помню детство. Если честно – почти не помню.

Есть люди, которые вспоминают, как их мама рожала. А я вообще мамы, кажется, не помню.

– А с какого возраста ты себя помнишь?

Адик-Адлер явно удивился вопросу.

– Никогда об этом не задумывался.

– Ты на маму похож или на папу?

– На папу, – неуверенно ответил гость. – А вообще я ее почти не знал. Так получилось, что она с нами не жила. Может быть, я и в нее тоже уродился.

– А я даже не представляю, как это – детство без мамы. Знаешь, что я помню? Как мы с ней идем, я совсем маленькая, по лугу, она останавливается и говорит: Мариша, вот это – пастушья сумка, а это – лютик, а это – белый донник. Потом она мне пижму показывала, и как малина цветет. Ничего так хорошо не запомнила, как эти желтые цветы – лютик и пижма.

– Пастушья сумка – это что, цветок? – удивился Адик-Адлер.

Нормальное удивление городского ребенка, подумала Марина, нужно будет как-нибудь выбраться с ним на природу.

– Вроде цветка. Вообще это лекарственное растение. А что, вам в садике не рассказывали?

Марина была убеждена – все люди прежде, чем стать взрослыми, ходили не только в школу, но и в детский сад. Во

всяким случае, таких, что росли дома, ей еще не попадалось.

И тут выяснилось, что Адик-Адлер – как раз домашний ребенок.

– У меня была какая-то болезнь, что-то с нервами, и ко мне приходили воспитатели. Я даже во двор почти не выходил, – признался Адик-Адлер. – И в школе учился экстерном.

– Все десять лет?

– Почему десять лет?

– Столько учатся в школе. Или теперь – одиннадцать?

– Я не знаю, я ведь очень рано начал учиться. Ко мне приглашали учителей, тренеров, а Семен Ильич вообще жил у нас в доме. Он со мной каждый день занимался.

Спрашивать, что за болезнь такая, было нетактично, парень выглядел вполне здоровым. Вот разве что румянец. Марина слыхала, что у туберкулезных больных – самый красивый румянец. Но, помилуйте, какой туберкулез? Парень холеный, как голливудская звезда! Родители, или кто там с ним живет, пылинки с него сдувают. У него маникюр и, возможно, педикюр.

– Тебе теперь восемнадцать? – вдруг спросила Марина.

Адика-Адлер ответил не сразу.

– Ну... да. А это имеет значение?

– Не знаю. Просто занять такую должность в Росинвестбанке в восемнадцать лет, даже с феноменальными способностями...

– Никакие не феноменальные. Я читал – бывают дети, которые в двенадцать лет в голове шестизначные цифры перемножают, и вообще...

– А ты можешь – шестизначные?

– Зачем? Для этого калькулятор есть. Я – системщик. Послушай, Мариш, тот мужчина, с которым ты в ресторане была, – он кто?

– Ничего серьезного, – быстро сказала Марина. И действительно поняла, что Вишняков для нее – ничего серьезного, двести баксов за эскизы, а роспись пусть ему делает кто-нибудь другой!

– Нет, я не про это, – Адька-Адлер усмехнулся. – Кто он в социуме?

– Деловар. И даже очень неглупый деловар. У него несколько фирм, он член совета директоров «Ассуэра», ему, кстати, и этот ресторан принадлежит, только записан на жену.

– Борис Вишняков? – уточнил Адька-Адлер. – Дай мне его телефон, пожалуйста.

– Нет проблем. Вот его визитка.

Взяв картонный прямоугольничек, Алька-Адлер поднес к губам женскую руку и поцеловал. Марина ждала других поцелуев, но он задумался.

– Извини, – сказал он вдруг растерянно, – не могу, не получается... Я столько хотел тебе сказать – и будто мне кто запретил! Я не умею!

– Что – не умеешь?

– Говорить это. Понимаешь? Я не умею! Мне нельзя!
Марина впервые видела Адьку-Адлера взволнованным.

– Ну так и не надо. Не в словах же дело!

– Да?..

Он встал, отошел к книжным полкам, провел пальцами по корешкам.

– Столько слов... Дос-то-евс-кий... Кто это?

– Писатель, – стараясь не выглядеть слишком удивленной,
ответила Марина.

– Лермонтов?

– Поэт.

Адька-Адлер открыл книгу.

– Почему такие короткие строчки?

– Это же стихи!

– Почему их так печатают?

– Адька! К тебе же учителя ходили! Ты что – литературу
не учил?

– Я не помню... Я не помню, чтобы мне это показывали.

– С тобой что-то не так, – зная, что этого говорить нельзя,
все же произнесла Марина. – Адька! Сядь и расскажи все
с самого начала! Про твой дом! Про учителей! Про маму и
папу! Мы вместе разберемся, слышишь? Ты же сам понимаешь –
с тобой что-то не так!

– Мне нельзя волноваться, – глядя в пол, не своим, а чьим-то
тупым голосом выговорил Адька-Адлер. – Мне нельзя

волноваться, мне нельзя волноваться, мне нельзя волноваться...

И Марина увидела, как на его глазах выступили слезы.

А потом он просто-напросто сбежал. Не сказав больше ни единого слова.

* * *

Вишняков озадачил секретаршу, и через день имел сведения о рыжей Алке и о Клопе. Сведения примитивные, элементарные, то, что можно узнать по телефону. Алка, естественно, осталась старой девой, родители умерли, оказывается, она была очень поздним ребенком. Работала в какой-то конторе непонятно кем, потом и оттуда исчезла. Клоп, напротив, кое-чего добился. Даже был единожды женат. Но сейчас пребывал в разводе, а жил на даче. Городской квартиры у него больше не было.

– Дача? – переспросил Вишняков. – Ну, Наталья, ты даешь! Это он, наверно, землянку выкопал! Или шалаш из сена навалил, как Ленин в Разливе!

И в самом деле – какие, на фиг, дачи в Матрюховке?! Умирающая деревня – вот что это такое, более безнадежного места не сыскать. Вишнякову предлагали купить там землю – этак с полторы Бельгии, он поездил по району и наотрез отказался. В эту истощенную монокультурой под названием свекла землю сперва нужно миллиарды вложить – и то еще

неизвестно, через сколько десятилетий начнется отдача.

Наталья умела хохотать. Вишняков искренне любил свою секретаршу, такую отзывчивую на шутки. И Наталья его любила – за постоянное благодушие и снисходительность, хотя бывали дни, когда он зверел, и понятие «рабочее время» отменялось – все свободное от короткого сна время у сотрудников было рабочим. Но и за эти авралы его тоже любили – Вишняков, кстати, устраивал их не столько для того, чтобы срочно сделать что-то важное, сколько ради сплочения команды и отсева обленившихся и утративших нюх людей. Кроме того, при авралах у многих прорезаются совершенно неожиданные способности – и потом человека можно использовать с большим коэффициентом полезного действия.

– А про Адлера я ничего не узнала, – отсмеявшись, пожаловалась Наталья. – В телефонной книге был один Адлер, но он год назад в Германию уехал. По-моему, не тот.

– А где жил этот новоявленный фриц?

– На Соколовской.

Когда Вишняков учился, детей распределяли по школам строго в соответствии с местожительством. Соколовская – другой конец города. Предположить, что Немка способен сам организовать переезд, Вишняков не мог. Неужели этот убогий все-таки женился?

А почему бы и нет?

Мальчишка, который увез Марину, был хорош собой. Выходит, и Немка, что ли, в восемнадцать был хорош собой?!

Надо же! Открытие, блин!

– Наталья, тебе мальчики нравятся? – вдруг спросил Вишняков.

– Мне, Борис Андреевич, мужчины нравятся. А мальчик – это так, заготовка.

Пожалуй, Наталья права, подумал Вишняков, и Немка ведь был именно заготовкой! Если бы не идиотская школьная система, не старая дура с фальшивым пуком волос на затылке, что могло из него получиться?

– Матрюховка? – что-то в памяти закопошилось, словно таракашка, выползающий из-под газетного листа. – Наталья, не в службу, а в дружбу! Вот ключ, возьми у меня в бардачке автодорожный атлас!

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.